

**В КРУГУ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ.
К ЮБИЛЕЮ Г.А. ЯНКОВСКОЙ**

УДК 94(470)

doi 10.17072/2219-3111-2024-2-194-209

Ссылка для цитирования: *Зубкова Е. Ю., Нарский И. В., Орлова Г. А. Усложняя картину мира // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 2(65). С. 194–209.*

УСЛОЖНЯЯ КАРТИНУ МИРА

Е. Ю. Зубкова

Институт российской истории Российской академии наук, 117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19
SPIN-код: 2064-7781

И. В. Нарский

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614068, Россия, Пермь,
ул. Букирева, 15
inarsky@mail.ru
Scopus Author ID: 36508910100

Г. А. Орлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105005, Россия, Москва,
ул. Старая Басманная, 24/4с1;
gaorlova@hse.ru
SPIN-код: 7041-5855

Статья, приуроченная к юбилею Галины Янковской, представляет собой коллаж разных по стилю и композиции фрагментов. Три автора используют дату в биографии историка как повод для размышлений о междисциплинарных направлениях в современной исторической науке, играют жанрами исторического повествования. Е.Ю. Зубкова делится своим видением развития историографической ситуации по истории позднего сталинизма, о переключках в его интерпретации. И.В. Нарский вообразил сценарий разговора, который мог бы состояться между ним и Г.Янковской о ключевых проблемах визуального исторического исследования и новой культурной истории. Участники воображаемой дискуссии отталкиваются от обсуждения вышедших в 2007–2008 гг. монографий о советских художниках эпохи сталинизма и советской семейной фотопрактике, чтобы затронуть ряд волнующих их вопросов. Среди них – влияние развития страны в 1990-е гг. на траектории исследовательских интересов молодых российских историков, происхождение визуального поворота и его связь со смещением интереса историков с событий, структур и процессов на «обычного» человека, перспективы и трудности работы с изображением как историческим источником. Г.А. Орлова в первой части своего раздела ставит вопрос об экранной природе юбилея. Она контекстуализирует и проблематизирует утверждение юбиляра о том, что профессиональный историк должен усложнять картину мира. Во второй части результаты курирования биографической беседы с Галиной Янковской представлены в виде девяти тематических картин-эпизодов. Обсуждается специфика жизни на реке при позднем социализме и река как форма организации темпорального опыта историка.

Ключевые слова: Г. А. Янковская, визуальный поворот, культурная история, культура сталинизма, фотопрактика, социальная история искусства, советская жизнь, публичная история, юбилей, жизнь историка

Е. Ю. Зубкова

На одной волне: поздний сталинизм, художники... Янковская

К юбилеям у меня отношение особое, скорее, настроенное, и не потому только, что они напоминают о возрасте (хотя и поэтому тоже), а в силу необходимости «соответствовать моменту». Это значит – принимать поздравления, заслушивать торжественные речи в свою честь, в которых напоминают тебе же о твоём творческом пути, с перечислением книг и прочих дел. Юбилей в моем понимании имеет только один неоспоримый смысл: это повод сказать достойному человеку, что он достойный. Особенно, когда этот человек тебе дорог – как профессионал и больше. Я говорю о Галине Янковской.

Познакомились мы довольно стандартно для историков – через книгу [Янковская, 2008]. Потом я выступила оппонентом на докторской диссертации Галины Александровны. Но сначала

ла все-таки была книга – та самая про искусство, деньги и политику. Едва начав читать, я сразу поняла: это моя книга. Не в смысле авторства, конечно; это был тот самый нечастый в нашем кругу случай узнавания общности, который Михаил Гефтер определил как «разговор с единопредметником». Нам не нужно было искать общий язык: он у нас уже был. Кстати, о языке. Всегда рекомендую своим ученикам и коллегам читать тексты Г. А. Янковской. Просто как образец настоящей академической прозы – профессионально безупречной и по-человечески увлекательной. Здесь мы тоже с Галиной Александровной на одной волне: научные тексты не должны быть скучными, а академизм – это уровень исследования, а вовсе не тест на выносливость читателя.

Когда Галина Янковская в качестве поля исследования выбрала послевоенные годы, словосочетание «поздний сталинизм» писали в кавычках. Оно даже еще не сложилось как понятие, вызывая активное отторжение у одних и скепсис – у других. Несмотря на то что Шейла Фицпатрик еще в начале 1990-х гг. настойчиво убеждала коллег повнимательнее присмотреться к этому короткому, но значимому периоду советской истории, особого энтузиазма ее приглашение тогда не вызвало. Зажатые между двумя яркими событиями – войной и оттепелью, послевоенные годы казались тусклыми, мрачными, в общем, малоинтересными. Тем заметнее на этом пока еще не истоптанном поле оказались следы первопроходцев.

В интерпретации Г. А. Янковской поздний сталинизм приобретал системную выразительность – становился объемным, разным, интригующим. Фокус на художниках, точнее – на сообществе художников, добавлял красок в прямом и переносном смысле в портрет эпохи. Не только этой. Подходы, предложенные Галиной Александровной, успешно работают и в других направлениях исторических исследований. В своей методологии Г. А. Янковская изначально сделала ставку на междисциплинарность. Это позволило ей соединить, казалось бы, трудносоединимое: искусство и экономику, монументальность и приземленность, творчество и быт. Благодаря Янковской и ее последователям, сформировалось целое направление в историографии советского проекта – социальная история изобразительного искусства, которое послужило импульсом для новых исследований.

Публикации Галины Александровны – это еще и хорошая источниковедческая школа, демонстрирующая возможности работы с видовым разнообразием источников. Но особенно стоит отметить вклад историка в «реабилитацию» визуальных источников, познавательный потенциал которых, как справедливо отметил Игорь Нарский, долгое время вызывал сомнение у коллег.

Историки в силу профессии вообще народ довольно консервативный: вероятно, сказывается фактор «опрокинутости в прошлое». И хотя междисциплинарность все увереннее пробивает себе дорогу и даже как будто приветствуется, на деле все оказывается не так просто. Убеждаюсь в этом каждый раз, когда обсуждаем диссертации, особенно хорошие. Приходится слышать: междисциплинарность – это неплохо, конечно, но акцент надо делать на «исторические» методы и использовать «историческую» терминологию. Мои аргументы в пользу универсальности исторического знания, его имманентной восприимчивости к методикам и терминологии смежных областей, далеко не всегда находят понимание у оппонентов. И тогда я вынимаю свой запасной козырь: в Пермском госуниверситете уже есть кафедра междисциплинарных исторических исследований (без союза «и»). А для сообщества своих – кафедра Янковской. И это – исторический факт.

С юбилеем Вас, Галина Александровна!

С Днем рождения, дорогая Галя!

Воображаемая подиумная дискуссия о визуальной истории

Давным-давно, в другом пространстве и времени, почти одновременно увидели свет две книги о возможностях использовать изображения – картины и фотографии – в качестве источников для изучения российской истории XX в. [Янковская, 2007; Нарский, 2008]. В то время визуальный поворот едва коснулся российского исторического цеха, да и в международной историографии исследования визуальности были относительно молодым явлением. Поэтому обе книги были замечены [Добренко, 2009; Кукулин, 2008]. Сами авторы с интересом ожидали и встретили новинку из-под пера коллеги, знакомство с творчеством которой / которого относительно недавно подкрепило знакомство личное. Вскоре оба автора написали рецензии на вышедшие монографии [Янковская, 2009; Нарский, 2010].

Как известно, научные тексты, как и картины, не столько отражают действительность, сколько цитируют друг друга, ведут между собой бесконечный разговор. В данном случае упомянутые рецензии и рецензируемые книги являются диалогом в буквальном смысле слова. Это был обмен мнениями коллег-экспериментаторов об интересующих их проблемах, путях их решения, с оценкой эффективности проделанной работы. Давайте представим себе этот диалог в виде публичной дискуссии, перенесенной в наши дни, двух историков-визуалистов на подиуме перед широкой аудиторией. Сделать это нетрудно, сконструировав диалог из косметически прилаженных друг к другу фрагментов рецензий и рецензируемых книг Г.А. Янковской, и Вашего покорного слуги. Использование клея, ножниц и бумаги ограничим минимумом, необходимым для превращения, насколько это возможно, ученых текстов в живую диалогическую речь. Итак, приступим.

И. Н. Глубокоуважаемые дамы и господа, коллеги и друзья, гости нашей дискуссии!

Позвольте обозначить повод нашей встречи. Недавно Галина Александровна Янковская отметила свой юбилей, и это – хороший формальный повод, чтобы остановиться и обернуться назад. В жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги. Давайте воспользуемся одним из таких фактов в качестве отправной точки для разговора.

В феврале 2008 г. в Томском государственном университете ярко и убедительно прошла защита докторской диссертации «Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты». В диссертационном пакете, среди других квалификационных артефактов, необходимых для осуществления этой утомительной процедуры, имелась монография, опубликованная несколькими месяцами раньше скромным тиражом триста экземпляров и объемом в восемнадцать авторских листов. Эта умная и элегантная, как и ее автор, книга по своим кондициям значительно превысила статус среднестатистического научно-квалификационного издания, изготовленного «под защиту», и заслужила пристального внимания.

Однако вначале несколько слов об авторе. Галина Александровна Янковская – известный специалист по социальной истории искусства, новой политической истории, публичной и прикладной истории. И сегодня в зале присутствуют люди, хорошо знающие юбиляра. Тем не менее я рискну. На момент защиты докторской диссертации Галина Александровна была доцентом кафедры новейшей истории России Пермского государственного университета. Позади были учеба в этом же университете, защита кандидатской диссертации на тему «Культурный консерватизм в США, 1960–1980-е гг.», зарубежные стажировки. Это было время, когда перед исследователями российской истории открывались захватывающие дух горизонты научного поиска, методологических экспериментов, интерпретационной свободы. Эти надежды отразились, помимо прочего, и в том, что ряд специалистов по всеобщей истории переориентировались на изучение российской, преимущественно советской, истории. Среди этой небольшой, но весьма заметной группы оказалась и Галина Александровна.

Г. Я. Игорь Владимирович, спасибо за дружеское введение. Напомню, что и в жизни историков, изначально избравших российскую историю в качестве исследовательского поля, в 1990-е происходили удивительные метаморфозы. Публике будет нелишним узнать, что мой визави в постсоветские десятилетия устраивал настоящие академические «американские горки»: его первоначальный интерес связан с историей российских либеральных партий начала XX в., затем он переключается на масштабное исследование повседневной жизни населения Урала 1917–1922 гг., потом публикует синтетическую по жанру «Фотокарточку на память...», где сосредоточивается на проблематике памяти и визуальных исследований.

И. Н. Спасибо, за яркую метафору в адрес моих трудов тех лет. Позвольте еще несколько штрихов к портрету юбиляра. Галина Александровна – человек публичный. Она известна как участник становления Музея современного искусства, как телевизионный просветитель, общественный деятель на ниве музейной, архивной, издательской работы. Ее трудами историческая серия «Вестника Пермского университета» входит в состав высокорейтинговых журналов в исторической науке.

А теперь, Галина Александровна, давайте поговорим о Вашей книге. Она, без сомнения, плод многолетних изысканий в области визуальной истории советского общества. За плечами автора были долгая скрупулезная работа в российских и зарубежных архиво- и книгохранилищах, многочисленные выступления на научных форумах и публикации в российских и иностранных изданиях, наконец, личное общение со специалистами (а это, как известно, незаменимый способ оперативного проникновения в исследовательскую проблематику), имеющими прямое касательство к темам и подходам, интересующим автора. Как Вы могли бы определить центральную задачу своего исследования сталинского искусства?

Г. А. В этой работе я попыталась взглянуть на художественную жизнь сталинской эпохи как историк, интересующийся социальной историей искусства, точнее – историей художников как особого сообщества, профессиональной корпорации. Социальный портрет художественного сообщества эпохи сталинизма был представлен в двух проекциях – панорамной и локальной. Первая позволяла охарактеризовать процессы и явления в художественной жизни общероссийского масштаба, вторая – взглянуть на ход и результат трансформации социального пространства изобразительного искусства на примере одной из российских провинций – Молотовской области (ныне Пермский край). Основное внимание в книге уделено художественной жизни в годы позднего сталинизма (1945–1953). По меркам большой истории или истории создания художественных шедевров тот период – незначительный эпизод. Но с точки зрения социальной истории изобразительного искусства недолгие восемь послевоенных лет чрезвычайно интересны и заслуживают гораздо более пристального изучения, чем это было принято до недавнего времени.

И. Н. Спасибо! Давайте попробуем поместить Вашу книгу в более широкий контекст визуального поворота в международной исторической науке конца XX в. При всем многообразии подходов исторической визуалистики их можно связать с двумя исследовательскими моделями (или стратегиями). Первая из них сосредоточивается на анализе самих произведений искусства, с надеждой выявить с его помощью особенности мироощущения и систем ценностей, мира толкования и поведения, восприятия и опыта, надежд и страхов исторических акторов – одним словом, «субъективной реальности», зачастую недостаточно артикулированной в вербальных источниках. Вторая стратегия фокусирует исследовательскую оптику на социальные условия производства искусства, общественную среду, в которой возникают художественное произведение, отношения заказчика и художника, нормы и ценности художественной корпорации, состояние и функционирование рынка изобразительной продукции. В этом случае первостепенными источниками становятся не столько изображения, сколько вербальные свидетельства, отражающие очерченную проблематику. Мне кажется, что Ваша книга со всей определенностью может быть отнесена к успешно реализованной второй исследовательской модели. Или я ошибаюсь?

Г. Я. Наверное, Вы правы. В этой работе я попыталась взглянуть на художественную жизнь сталинской эпохи как историк, интересующийся социальной историей искусства, точнее – историей художников как особого сообщества, профессиональной корпорации. Такая постановка вопроса предполагает изучение не столько художественных особенностей, символики или эстетических принципов, сколько институциональной системы советского искусства, норм и аномалий хозяйственно-экономической жизни, профессиональной этики и повседневности.

И. Н. А что, если попробовать еще раз сместить угол зрения и попробовать порассуждать о шансах, которые историкам предоставил визуальный поворот?

Г. Я. «Визуальный поворот» 1980–1990-х гг. переориентировал многих исследователей на изучение визуальных компонентов социальных и культурных процессов. В результате зримое стало считаться самостоятельным объектом не столько психофизиологического, сколько социально-исторического исследования. Историк научился смотреть на изображение как на способ социального взаимодействия, кодирования бытовых смыслов, стереотипов массового сознания, приоритетов культурной политики. «Культурная обусловленность» изображений и «визуальный лексикон эпохи» постепенно перестали считаться экзотическими идеями. Историки все чаще обращались к советскому кинематографу, живописи, архитектуре, скульптуре, видя в них не просто депозитарий образов, но среду протекания социальных процессов, средство политической мобилизации и конструирования социальной реальности. Одновременно их стали интересовать универсальные визуальные приемы агитации, рекламы, прессы, прочих средств массового тиражирования образов.

И. Н. Совершенно с Вами согласен. Хотелось бы дополнить новации в изучении социальной среды искусства методологическими прорывами визуального поворота в области чтения изображений. Ученые, признавшие за визуальными объектами статус исторических свидетельств, достигли общности взглядов по ряду принципиальных вопросов. Во-первых, это убеждение, что процедуры внешней критики визуальных и вербальных источников в основном совпадают. Во-вторых, работа с изображениями требует иного инструментария, чем с письменными источниками; необходимо знать язык визуальных источников, без которого доступ к ним остается закрытым. В отношении внутренней критики письменных источников историки, идя по стопам теологов, философов и юристов, взяли на вооружение их аналитический инструментарий и довели его до совершенства. В эпоху визуальности требуются не менее богатая практика и не менее дифференцированная историческая теория обращения с изобразительными свидетельствами, однако они все еще находятся в стадии разработки. В-третьих, изображение, особенно фотографическое, никогда не имеет одного-единственного, изначально заложенного значения. Природа фотографии отмечена парадоксальными чертами – реальностью и ирреальностью, правдивостью и обманчивостью, объективностью и субъективностью, привязкой ко времени и безвременностью. Интерпретация фотографии зависит от постановки вопросов и познавательного интереса исследователя.

Г. Я. Игорь Владимирович, раз уж Вы вышли на «фотографическую тему», центральную для Вашей книги, позвольте и мне высказать свое мнение. Кажущаяся простота восприятия фотографии, ее «очевидность», т.е. мнимая понятность содержания, обманчива, о чем Вы неустанно напоминаете в своей монографии. Вы справедливо видите в семейной, альбомной, официальной, пикториальной и прочих видах фотографии код, требующий освоения правил интерпретации. Этот визуальный код не поддается тотальной вербализации, точно так же, как и словесный текст не имеет визуальных клонов. В Ваших размышлениях много как однозначных, так и полемичных выводов, но с чем я точно не согласна, так это с гендерной характеристикой, выданной фотографическим практикам. Вы утверждаете, что если производством фото занимаются преимущественно мужчины, то последующая обработка, упорядочение фотографий, их

демонстрация окружающим является сугубо женским делом. Этот тезис необходимо вписать в хронологические и контекстуальные рамки. Может быть, он и был справедлив до какого-то момента. Мне представляется, что ситуация давно и принципиально изменилась с упрощением технологического процесса фотографирования, с вторжением в повседневность цифровых технологий, с модой на семейные ценности в бизнес-культуре (семейные фотографии как неотъемлемая часть офис-интерьеров), с развитием социальных сетей и блогосферы в Интернете.

И. Н. Да, конечно, этот вывод у меня кажется излишне категоричным. В действительности я не настаиваю на универсальности гендерного разделения труда в фотопрактике и сформулировал наблюдение, более справедливое в отношении аналоговой, а не цифровой фотографии. Повторюсь, я на нем не настаиваю. Если теперь от частности перейти к завершающему обобщению, я попросил бы Вас сформулировать Ваше мнение о соотношении вербального и культурного поворотов в исторической науке последних десятилетий.

Г. Я. Сформулирую свою позицию на примере близкой мне проблематики. Решающую роль в пробуждении интереса к проявлениям сталинизма в художественной культуре сыграло обособление социальной и культурной истории. Что бы ни понималось под этими терминами, в конечном счете это означало деполитизацию исторического знания, изменение концептуальных основ интерпретации прошлого. Характерная черта современной историографии заключается в том, что, отдавая должное политической истории, решениям власти в области культуры, исследователи обратили внимание на социальный и ментальный контекст, на среду протекания социальных процессов. Применительно к сталинской культуре соотношение культурного и визуального можно сформулировать следующим образом. Культура эпохи сталинизма сегодня представляет собой своеобразную буферную зону, где теории и гипотезы, применяемые к социально-политической истории СССР, тестируются на материале изобразительных искусств. Переоценке типовой художественной продукции того времени способствовала реабилитация в исторических дисциплинах «простого человека» – маленького субъекта большой истории, а вместе с этим – истории повседневности и массовых форм культуры.

И. Н. Соглашусь. Интерес историков к визуальным источникам совпал с поворотом от классической, количественной социальной истории макропроцессов и макроструктур к культур(аль)ной истории – микромиру повседневности, восприятия, опыта и памяти «маленьких» людей, в большинстве своем безымянных и безмолвных участников истории. Однако и ныне историки испытывают определенную растерянность по поводу методов работы с визуальными источниками. Исследователи, готовые работать с ними как с важным историческим свидетельством, по-прежнему в меньшинстве.

Г. Я. Это и понятно. Работа историка-визуалиста и – шире – историка культуры связана со многими сложностями и рисками. Для приверженца культурной истории необходим взгляд и позиция участника исторического процесса. В этом случае занятие историей заключается в интерпретации прошлого с учетом смыслов, мотивов, эмоций, фобий, бытовых обстоятельств, намерений, представлений многих действующих лиц исторического процесса, в том числе и самих историков. Это серьезный вызов для исследователя.

И. Н. И, завершая дискуссию, я бы напомнил настроение, с которым лет пятнадцать назад мы писали наши ученые тексты. В российском историографическом цехе мы были в (часто не понимаемом коллегами) меньшинстве, но это нас не смущало и не было поводом для пессимизма. Если помните, я писал в завершении рецензии на Вашу книгу о художниках позднего сталинизма, что как историографический факт она опровергает пессимистические прогнозы по поводу включенности российских историков в единое международное исследовательское сообщество, равно как и устойчивое предубеждение о наличии якобы незыблемой границы качества, разделяющей историков в самой России по линии «центр – периферия».

Г. Я. Конечно, помню. Исследовательские инициативы тех лет объединяли представителей разных дисциплин, городов и стран вокруг проблематики локальной истории, визуальных исследований, неформальных коммуникаций, социального измерения комического и других сюжетов. Мы жили в атмосфере академического драйва, переплетения биографий и дружеской поддержки, столь важных для профессиональной «формовки» ученого.

Вот так, пожалуй, могла бы строиться наша дискуссия полтора десятка лет назад вокруг актуальных проблем исследования культуры и зримых образов. Напомню, что она сконструирована по принципу коллажа из текстов первого десятилетия XXI в. Конечно, сегодня дискуссия на эти же темы была бы изящнее, острее и живее, потому что мы стали старше и знаем несравнимо больше и потому что мир изменился до неузнаваемости. Но мы-то все еще узнаваемы, и это радует. А вообще-то весь этот текст писался с одной целью – поприветствовать блестящего ученого, очаровательную женщину и надежного друга. Дорогая Галина Александровна, с юбилеем!

Г. А. Орлова

Усложняя картину мира

Отличие Нового времени от Средневековья Мартин Хайдеггер, как известно, видел в превращении мира в картину, подлежащую рассмотрению [Хайдеггер, 1986]. Тогда как Галина Янковская, формулируя кредо профессионального историка (современности) в нашем юбилейном разговоре про жизнь, отмечает его / её способность эту картину мира усложнять. Переплавляя тот разговор в текст, я рассчитываю, что в усложнении картины миров, о которых пойдет речь, будет много истории. Когда теоретик визуальности Жан-Люк Марьон характеризует уже не мир, но картину, он описывает ее через насыщение и интенсификацию видимости [Марьон, 2010]. При наличии гуманитарного воображения юбилей в его современном исполнении можно счесть картиной, коль скоро он усиливает видимость времени в жизни юбиляра, биографию и репутацию которого (со)общество признает достойной, и задает темпоральный фон, на котором жизнь обретает интенсивность и смысл. Не будет преувеличением сказать, что юбилей удастся в той мере, в какой порождает картины-экраны, обеспечивающие видимость человека во времени и времени в человеке.

Выявление формальных и неформальных правил, регулирующих создание этих двойных портретов, позволяет описать торжество со всей серьезностью если не юбилееведения [Евтушенко, 2012], то неоинституционализма [Норт, 1997]. Я намерена следовать неформальным маршрутом, коль скоро речь идет о жизни в науке, которая демонтировала каноны в 1990-е и раздвигала границы в 2000-е. И если без памятных адресов от начальства, дежурных тостов и слайдшоу юбилей остается неподтвержденным, то без исторических анекдотов, биографических виньеток и путешествий в лодке времени с юбиляром событию не хватит воздуха для того, чтобы стать настоящим.

Памятуя о том, что юбиляр является видным экспертом по части картин, институтов и даже юбилеев [Янковская, 2006; Янковская, 2007; Янковская, 2009; Янковская, 2023], я действую со всей бережностью: из двухчасового разговора отбираю самые выразительные фрагменты, сохраняю интонацию, заменяю первое лицо единственного числа третьим и акцентирую – через рубрикацию – узловые встречи истории с жизнью.

Времена, когда теоретики могли эгалитарно провозглашать, что всякий человек – рассказчик историй [Carr, 1986; Bruner, 1987], канули в лету вместе с постмодернистским импульсом и нашей ученой юностью. Тем ценнее рассказы о жизни, в которых есть не только фактура, но и мудрость и красота эстетик существования. Истории Галины Янковской – из их числа.

Если Игорь Нарский в юбилейном тексте, публикуемом здесь, перерабатывает книжное соседство с Галиной Янковской в диалог, я двигаюсь в противоположном направлении: превращаю живой разговор в картины из жизни. Елена Зубкова как-то предложила помыслить со-

ветскую жизнь в качестве интегрального предмета исторического исследования, обещающего не только новую степень связности, но и новую интенсивность анализа человека и времени [Зубкова, 2019]. И хотя не все картины, составленные по случаю юбилея, имеют отношение к советской жизни, все они про жизнь, какой ее видит, виртуозно усложняя и контекстуализируя, дорогая мне Галина Янковская.

Жизнь на реке

Она росла на Гайве, поселке пермских гидростроителей, название которого происходит от одного из притоков Камы. Семья первоначально жила в шлакоблочной двухэтажке с внутренним двориком, окруженном типовыми зданиями, каких по стране разбросано великое множество. Детей выпускали на свободный выпас и изредка запускали домой. Когда ей было шесть, родители купили лодку «Прогресс» с мотором «Москва» в 30 лошадиных сил. И начались летние выходные на Каме, Сылве, Чусовой. Вставали табором на неделю – другую. Для нее это – самые яркие, самые любимые воспоминания... О совершенно неосмысленном социальном феномене – популярности маломерного речного транспорта, достигшей пика в 1970-е, – она все хочет написать. Ведь это была какая-то другая форма мобильности, отличная от автомобильной. Энергия автономии.

Предприятия в те годы обзаводились лодочными станциями и строили причалы. На субботах изготавливали лебедки и настилы. Цеха снаряжали флотилии из лодок, которые куда-то шли и где-то там ночевали... Учились дергать моторы, разбирать их и перебирать... Это была сугубо советская материальность и романтика, на которой выросло несколько поколений. Как-то раз в детстве ей поручили сшить белый флажок – сигнал безопасности. Им машут, показывая, с какой стороны лодка обойдет встречное судно. Она и сегодня помнит, что бечку надо правый борт, а расходиться левыми.

Жизнь на реке порождала свой фольклор и экстремальные ситуации. Страшнее всего была срезанная шпонка. По Каме сплавляли лес. Шли многометровые плоты. Иногда они развязывались. И тогда по реке плыли топляки, полузатопленные трупы деревьев. Обойти их не всегда получалось. Если мотор налетал на бревно, то винт или шпонку могло срезать. И тогда ты, обездвиженный, оставался посреди реки, где стоило опасаться штормов и скоростных судов на воздушной подушке. А еще волны могли быть до двух–трех метров после затопления территорий при строительстве КамГЭС.

В окружении родителей, горожан в первом поколении и выходцев из небольших поселков, вылазки на природу были продолжением сельской жизни и средством борьбы с дефицитом. Её мама, родившаяся в 1932-м в Хабаровском крае, где ходить за грибами или заготавливать клюкву – это как в детство вернуться.

Знаете, когда жизнь на воде начала умирать? Году в 1985-м. Сначала выросли и уехали в институты старший брат и его друзья. Для них Кама была гаражами – местом, где, мужая, можно быть автономными и крутыми пацанами. Потом дико подорожал бензин. И, наконец, машины стали доступнее лодок. Сегодня она скучает по жизни, из которой ушли те темпоритм, сезонность и ожидание того, что вот окончится нерест рыбы и начнется навигация. Как и многих пермяков, ее и сегодня захватывает ощущение жизни у большой воды, и что река – нестрашная.

Я из пятой зоны

Плотину поставили на месте маленькой строгановской деревушки. Здесь шла своя жизнь, преимущественно сельскохозяйственная. Рядом – заливчики, где находили памятники археологии. В 1930-е – лагеря (военнослужащих), конторы по отчуждению земель и начало строительства ГЭС. В 1937-м работы свернули. Строительство возобновилось с использованием принудительного труда уже после большой войны. Там, где отсыпные работы проводились или бетонный завод строился, местные топонимы были такие: 1-я зона, 2-я зона, 3-я зона. Юрты и бараки.

Когда самое тяжелое было сделано теми, кто жил в юртах и бараках, строители проложили улицы и возвели жилье для эксплуатационников, среди которых были ее родители. Одна часть индустриальной застройки располагалась на правом берегу, другая – на левом. Она выросла в пятой зоне. Дом был сталинским. Еще в 1949 году рядом построили Дворец культуры с

итальянским двориком сталинского ампира. Эта узнаваемая и уютная часть Гайвы в городской археологии которой проступают слои, накапливающие разные судьбы и разную память.

Энергия интереса к жизни

Родители учились в Томском политехе. Студенческий брак. Всю жизнь работали на одном предприятии. Их друзья – тоже. Она напоминает посиделки, разговоры и непонятные слова: «Вот сегодня дис что-то (не) такое сделал». Это «дис», который диспетчер, какие-то «потерны» – тоннели. Папа постепенно вырос от молодого специалиста до главного инженера Камской ГЭС. Раньше по громкой связи диспетчер объявлял: «Товарищ Сидоров, позвоните на ЦПУ! Товарищ Цвик, зайдите в бухгалтерию». Над водой голос разносился на много километров. И самый крутёж, когда ты, такой, выходишь во двор, и слышишь фамилию свою, родную, семейную: «Товарищ Янковский, зайдите на ЦПУ». Надо ли еще что-то объяснять?

По-советски выражаясь, родители были научно-технической интеллигенцией. И сами себя создавали, и окружение проектировали. Штрихи к социальному портрету: быть инженерами, но при этом собрать гигантскую библиотеку; ходить в театры; увлекаться искусством; ходить на лыжах... Этим людям многое было интересно. Их отличала энергия интереса к жизни и какой-то рефлексивный оптимизм. Может, это все потому, что много чего пережили. Военное поколение. Отец из семьи репрессированных. Детдомовец.

Семья была разговаривающая, читающая и обсуждающая. Выписывали «Книжное обозрение», а потом вырезали ножничками те издания, что очень хотелось получить. Гонялись за литературой. Внутри их компании обменивались толстыми журналами: один подписывался на «Москву», другой – на «Новый мир». Вышла «Кафедра» И. Грековой¹. Где инженеры, а где «Кафедра»? На дне рождения они часа полтора зарубались по поводу романа. Какое там энергетическое воображение? На истфак!

От инженерных дел была далека. Не технарь. Технического драйва не было. Зато рано проснулся интерес к искусству, поддержанный родителями. Когда им сообщила о решении поступать на истфак, был и немой вопрос, и брови домиком: «Зачем? Что это?».

Водолазы памяти

Соседство гидростанции рождало ощущение уникальности. Геология осложнила строительство: станция стоит на гипсоносных грунтах, неустойчивых и размывающихся. Требовалось оригинальное инженерное решение. Особую роль отвели водолазам, которые смотрели за состоянием плотины. Архитектурный проект был уникальным. Административный блок разместили прямо над турбинами и водосливами. Теперь подоконники и окна того исторического здания – объект культурного наследия!

Как и административное здание шлюза, построенное в стилистике московских высоток недалеко от ГЭС. Из местных разговоров: «Ты куда поехал?». «В Москву». Затерянный и труднодоступный мир был отделен от центра Перми не одной транспортной пересадкой. «Штат О'Гайва» или же «Гайвайские острова».

Не кажется ли ей, что водолазы и ушедшие под воду места заложили фундамент самосознания историка и в значительной степени определили ее способ работы с прошлым? Это было бы слишком красиво и очень причинно-следственно, скажем так.

Гидро-бессознательное

В семье царил технологический романтизм и вера в Камскую ГЭС, благодаря которой крутится все – энергия, свет, развитие микрорайона. Тогда станция была крупной по европейским меркам... присутствовало ощущение, что она нужна, что в результате замечательного проекта появилось Камское море! Посмотрите, какая красота, просторы! Вот в таком, светлом ключе.

Первые звоночки... В перестройку в театрах шла постановка «Прощание с Матёрой»². Сильный спектакль. Возникло понимание, что там, в Сибири, трагедия. На эту тему спорили на школьных диспутах, но не соотносили с тем, что произошло вдоль верхней Камы. Да и нижней – тоже. Выше Камской ГЭС расположено Камское водохранилище, а ниже – Воткинское. Два моря в пределах одной Перми.

Родители приехали, когда ГЭС уже построили. Они не возводили, не затопляли, не теребили, не помнили. Они эксплуатировали. Может, дело в этом? Первые трещинки, через которые

проглянуло то, что ушло под воду, знаете, когда появились? Когда маме было под семьдесят. Папы давно не было. Подступало одиночество. Тогда-то и было сказано с горечью: «Знаешь, а может, и не надо было ГЭС строить». Ее саму, погруженную в историю искусства, «советские атлантиды» не трогали. Интересовали совсем другие сюжеты. Сталинизм, например. Но мамы слова кольнули. Мама, живущая в убежденности, что коллектив замечательный, все правильно, справедливо, была фанатом станции. И тут услышать от нее такое...

А потом, уже в 2000-е или все же в 2010-е, на слуху были проекты о Мологе. Это Ярославль, Рыбинское водохранилище. Потом еще что-то. И вдруг... Ведь это же очевидно, буквально лежит на поверхности... Стоп! Вообще-то любая ГЭС рождает затопление территорий. А что здесь, на Каме? А мы сами что-то знаем и помним? Выяснилось, что именно в Прикамье сообществ памяти о затопленных территориях фактически нет или они какие-то разрозненные, непубличные. Может, сказалось отсутствие таких пассионариев, как Анор Тукаева³. Даже на уровне нормальной, позитивистской историографии, не было почти ничего. Кандидатские диссертации писали в Иркутске, на Дальнем Востоке. Был Бурдин, у которого про Волжский каскад и докторская, и куча проектов [Бурдин, 2012]. Но не про этот регион. Так обнаружился сюжет, еще не проговоренный историками [Янковская 2021; Янковская 2023].

О затоплениях, разумеется, говорили и помнили те, кто жил вдоль берегов. Ведь в Прикамье были целые улицы, поселки переселенцев. Совсем недавно в дачных местах она слышала, как женщина рассказывала дочери о том, что до Камской ГЭС детей возили в школу на ту сторону на лодке. Все осложняется тем, что это – рассеянные знания и осколочные воспоминания. Представьте себе пазл на тысячу деталей, разбросанный по разным коробкам.

Фрондерская история

На истфак пошла, побоявшись поступать на искусствоведение в МГУ. Все же всего 25 мест на всю страну. Знала, что какой-то интересный истфак здесь, в Перми. Поступала в 1981-м, на издыхании брежневской эпохи. Пермский истфак тогда был в силе. Его диссертационный совет по истории был единственным на Урале. До 1990 года Пермь оставалась закрытым городом и местоположением одной из ведущих советских школ англоведения. Вот это как?

На факультете работали легендарные фигуры и очень важные учителя. Здесь был культ всеобщей истории. Кафедрой заведовал Лев Ефимович Кертман. Его наука была фрондерской. Серьезное место отводилось теоретическим размышлениям и методологии, насколько это было тогда возможно. Скажем, у Кертмана была выдающаяся статья об эвентуальности – то есть возможности, вероятности – лежащей в основе исторических законов [Кертман, 1971]. Это была попытка выйти за рамки, которые были поставлены гуманитарному знанию.

Другой фрондерской нишей было увлечение историей культуры. Ей просто свезло. Ведь, поступая, она даже не догадывалась, сколько народу этим профессионально занималось. Существовала целая лаборатория демократической культуры! Конечно, официальные ориентиры оставались советскими, а вот развитие было отклоняющимся. Истфак оставался кузницей идеологических кадров, в которой студенты читали по-английски. Потом, здесь была приличная германистика... Для закрытого города, согласитесь, не самая очевидная специализация...

В генеалогию пермской академической аномалии вплетался долгий культурный шлейф эвакуации. Люди, оказавшиеся в городе не по своей воле, приезжали целыми семьями и изменяли культурный контекст города. Об этом позднее писали многие. Она – тоже [Янковская, 2004]. Впрочем, в Пермь вели разные пути. Так, историка Кертмана вместе с другими филологами вышвырнули из Киевского университета в пылу борьбы с безродными космополитами, а Букирев⁴ его лично пригласил в Пермь. Студенткой она не особо понимала, что это было возможно благодаря сильной позиции университета и неординарному ректору.

Она собиралась в аспирантуру ко Льву Ефимовичу, но не успела. Он умер в 1987-м. Вторым направлением кафедральной специализации была интеллектуальная история консерватизма: Эдмунд Берк, Жозеф де Местр и т.д. Павел Юхимович Рахшмир, новый заведующий кафедрой, смотрел на нее с вынужденным участием. Существовали определенные обязательства перед предшественником. Но как скрестить консерватизм и ее увлечение культурой? А что, если взять проблематику культуры в американском консерватизме? Так благодаря Павлу Юхимовичу возникли другие горизонты, другой язык. Впрочем, и ему было небезынтересно, хоть и немножко в противоход. Адаптация к экстремальным обстоятельствам и американские горки для обоих.

От американизма к соцреализму

После защиты хотелось остаться американистом. Но на кафедре всеобщей истории мест не было. А позвали на кафедру, раньше называвшуюся кафедрой истории СССР, потом – новейшей истории России. Вопрос: «Так, и что я здесь буду делать со своим американизмом и консерватизмом? Соцреализм! Вот же оно!». Сначала это был вопрос: «А что, если соцреализм – это один из вариантов консервативного какого-то разворота?». Потом вдруг оказалось, что соцреализм можно найти – сходные языки, стили, образы чувствования – и в американском масскульте. Оказалось, что и не только там. И что соцреализмов может быть много [Янковская, 2012].

Как складывался ее подход? В этом году исполняется 25 лет «Диалогу со временем» и Российскому обществу интеллектуальной истории, на конференции которого она ездит прямо с 1999-го. Выстраивалась региональная сеть историков, культурологов, философов, которые, оставшись в провинции, поняли, что возможна продуктивная децентрализация исследовательской жизни. Конференции Общества «гуляли» по городам, помогая выстраивать связи с Омском, Томском, Казанью, Челябинском или Липецком. Это была ассоциация, созданная снизу. Невольное историческое общество. История другого рода, которая обеспечивала методологическую ковку, давала новые языки, поддерживала междисциплинарные эскапады и импровизации.

Поскольку в Перми был историко-политологический факультет, политологи по большей части были выходцами с исторических кафедр. Взаимодействовали тесно. В середине нулевых они продвигали неоинституционализм Дугласа Норта [Норт, 1997]. Она прочла и решила: «Вот же оно!». Импульсных текстов в те годы было много. Скажем, Баксендолл о рынке символической продукции [Baxandall, 1988]. В какой-то момент все сложилось, и родилась концепция, реализованная в докторской [Янковская, 2008].

Не жалуя толпу, она искала сюжеты и пространства, где не так многолюдно, где больше возможностей быть независимой от сложившихся мнений и сформированных традиций. Вот Борис Иванович Колоницкий, он занимается 1917-м. Елки-палки! Ну, просто бездна литературы! Занырнешь и не вынырнешь. А он нашел там свою «трагическую эротику» [Колоницкий, 2010]. И не только ее.

Оказавшись у берегов советологии, она огляделась и поняла: 1920-е – много, 1930-е – это был очень интенсивный драйв и фокусировка на политических репрессиях. Оттепель, она проскочила мимо именно поэтому, что шла волна замечательных публикаций. Ей казалось: «Ребята, вас тут много, не буду вам мешать. А что, если поздний сталинизм?». На решение наложилось увлечение историей искусства. Еще во времена учебы в художественной школе, господи, как же ее достал социалистический реализм в том кондовом виде, в каком он был представлен на выставках, в риторике, во всем! И тут все совпало. Вот же очень короткая, но достаточно автономная эпоха. И тогда этим почти никто не занимался. Это был вызов.

В 2008-м она защитилась, а в 2009-м – пришла в Музей современного искусства. Вот тогда ее к другим берегам унесло – в 1990-е и нулевые. От историка, оказавшегося на территории художественного движения, ждали осмысления возникновения и институционального оформления современного искусства в постсоветской России. Плюс, этот проект был связан с политической трансформацией региона и миллионного города. Умножались конфликты, велись культурные войны. На все требовались силы души и время. Она допускает, что Музей стоил ей ненаписанной книжки. Но и был невероятным опытом погружения в совершенно другие слои жизни и другой язык – тоже. Эдакое хождение за три моря.

Живые воды публичной истории

Как в Пермском университете началась публичная история? Сначала была беседа с хорошими студентами, ныне – коллегами. В середине 2010-х завязался разговор о том, куда податься историку, если не в школу и не в аспирантуру? Где работать? Уже был Музей современного искусства, побуждающий рефлексировать о культурах участия и включаться в них. Нина Саймон, вот эти тексты [Саймон, 2017.]. В «Неприкосновенном запасе» у Ильи Калинина вышел блок по прикладной и публичной истории. Первый, развернутый, осмысленный [Завадский, 2017.]. О социально ориентированной истории дискутировали на конференциях РОИИ у Лорины Петровны Репиной. Состоялась поездка по обмену в Оксфорд, в ходе которой был прочитан манифест публичной истории – «Потребление истории» де Гру [Groot 2009].

И уже придумав магистратуру по публичной истории, она с командой пустилась во все тяжкие. Пришло понимание, что публичная история – это не сиюминутная интеллектуальная мода, а нечто большее. Хотя со скепсисом в отношении магистратуры тоже приходилось сталкиваться. Коллеги по цеху формулировали иронически: «Публичная женщина и публичный дом – знаю. А вот публичная история – не слышал».

Она считает, что ей повезло с мощным и очень современным музейным сообществом, сформировавшимся в Перми. Несколько лидеров в местных музеях, которые раз за разом гранты Потанина выигрывали, очень круто проектировали. С ними можно было говорить на одном языке, подпитываться и питать.

Понимание, что нет и не может быть монополии на экспертное историческое знание, как ей кажется, пришло от антропологически ориентированной истории, от Школы «Анналов». Это была убежденность в том, что молчащее большинство имеет право на свой голос, и что историк обязан говорить не про государственную историю, а про историю тех людей, которые не репрезентированы в историческом знании.

Профессиональный историк – это тот, кто усложняет картину мира. Не упрощает, а усложняет. Показывает, насколько все непросто. Ни нарративы просто не даются, ни их борьба. Все неоднозначно. Все сложно. Но вот эту сложность, цветущую сложность, откуда взять? Обращаешься за ней к тем молчащим публикам, у которых имеются другие запросы и собственные истории. И к тем, кто вырос в убеждении, что не имеют права на свою версию истории.

Плотность среды

Для региональных центров важна плотность среды. И не обязательно профессиональной. Что-то около двух десятков лет среда была плотной. И это дало такой кумулятивный эффект. Возьмем челябинский феномен. Челябинск и Магнитогорск. В Магнитогорске был крутейший центр по изучению канадской истории и советской истории. В Челябинске в 1990-е и нулевые защитили больше 40 докторских диссертаций по истории. Работы разного качества, но число показывает градус. В Омском государственном университете сложилась своя историографическая школа и урбанистика. Валентина Павловна Корзун, Валентина Георгиевна Рыженко и их коллеги. В Липецке – германистика. Сформировалась сеть сильных региональных университетских центров.

А где-то с 2010-х годов ситуация стала серьезно меняться под влиянием жесткой дифференциации в финансировании университетов разных уровней. После перераспределения ресурсов и потоков студентов сохранять интенсивность академической (и не только) жизни в регионах стало сложнее, а децентрализация оказалась под угрозой. Тогда как в условиях сложившихся в эпоху распределенной интенсивности, многие из тех, кто мог двинуться в столицы или зарубеж, оставались в своих университетах. Локусы тогда были способны подпитывать амбиции и давать возможности для насыщенной научной жизни. Замкнутости не было. Но если первая волна децентрализации удалась, то второй попросту не случилось.

Главный вопрос – почему ты остался? Кто-то скажет, что давно следовало отключить тормоза и сыграть в игру с мобильностью. Но университет, в котором сформировалась и где так хорошо работалось, для нее органичен. Да и город, где реализуются проекты и вычерчиваются разные траектории, остается предпочтительной средой обитания. Кажется, Пермь давала широкие возможности раньше и, как будто, оставляет коридор возможностей сейчас.

Как-то раз они с Павлом Ефимовичем Рахшмиром вспоминали, каким «последышем» она ему досталась, что ему пришлось согласиться на культурологическую проблематику аспирантки. И вдруг он сказал: «Галя, я же сделал главное. Я вам не мешал». Как кажется, это хороший этос. Не мешать и давать возможности.

Примечания

¹ Культовый для советской (научно-технической) интеллигенции роман И. Грековой, посвященный кафедре кибернетики, был опубликован в журнале «Новый мир» в 1978 г.

² Повесть Валентина Распутина о деревне Матёра на одном из островов Ангары, которая должна быть затоплена в связи со строительством Братской ГЭС, впервые опубликована в журнале «Наш современник» в 1976 г. МХАТ поставил «Прощание с Матёрой» в 1987 г., Иркутский драмтеатр – в 1989.

³ Анор Тукаева – активистка культурного наследия, восстанавливающая затопленный храм-маяк недалеко от исчезнувшей при строительстве водохранилища деревни Крохино.

⁴ Александр Ильич Букирев (1903–1964) – ректор Пермского университета в последние до- и первые послевоенные годы. Букирев был отцом советской ихтиологии и исследователем рыбных сообществ Камского водохранилища.

Библиографический список

- Бурдин Е.А.* Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. М.: РОССПЭН, 2011. 398 с.
- Добренко Е.* Сталинская культура двадцать лет спустя (обзор) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2009. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/stalinskaya-kultura-dvadczat-let-spustya.html> (дата обращения: 17.03.2024).
- Завадский А. И., Исаев Е.М., Кравченко А.В., Склез В.М., Суверина Е.В.* Публичная история: между академическим исследованием и практикой // Неприкосновенный запас. 2017. №. 2. С. 22–34.
- Зубкова Е. А.* Советская жизнь как предмет исторической реконструкции // Российская история. 2019. №. 5. С. 3–14.
- Кертман Л.Е.* Законы исторических ситуаций // Вопросы истории. 1971. № 1. С. 55–68.
- Колоницкий Б. И.* «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2010. 664 С.
- Кукулин И.* Фотографическое печенье «Мадлен» (рец. на кн.: Нарский И. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историографический роман). Челябинск, 2008) [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/4/fotograficheskoe-pechene-madlen.html> (дата обращения: 17.03.2024).
- Марьон Ж.-Л.* Перекрестья видимого / пер. с фр. Н. Сосна, М.: Прогресс-Традиция, 2010. 172 с.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала. 1997. 190 С.
- И.В.* Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историо-графический роман). Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с.
- Нарский И.В. Г.А. Янковская.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. 312 с. // Российская история. 2010. № 1. С. 176–178.
- Саймон Н.* Партиципаторный музей / пер. с англ. А. Глебовской. М.: Ad Marginem, 2017. 439 с.
- Хайдеггер М.* Время картины мира / пер. с нем. В. В. Бибихина // *Хайдеггер М.* Новая технократическая волна на Западе. Сборник статей / сост. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1986. 450 С.
- Янковская Г. А.* Эвакуация, или Диалог. поневоле// Родина. 2004. №6. С.20–23.
- Янковская Г.А.* Искусство, деньги и политика: художник в годы позднего сталинизма / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2007. 312 с.
- Янковская Г.А.* Анти-Хаксли, или миссия выполнима // Диалог со временем. 2009. № 28. С. 335–341.
- Янковская Г.А.* Соцреализм по-советски и по-американски: искусство эпохи сталинизма в сравнительной ретроспективе. URL: <https://vk.com/yankovskaya.comparativestudies/> (дата обращения 12.03.2024).
- Янковская Г. А.* Виртуальные музеи «советских атлантид» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23. №. 4. С. 33–40.
- Янковская Г. А.* Юбилей города и становление «периферийных столиц» в СССР // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2023. Т. 25. №. 4. С. 9–22.
- Янковская Г. А.* Негативные последствия советских гидроэнергетических проектов: форматы и практики мемориализации // Сибирские исторические исследования. 2021. №. 4. С. 119–137.
- Янковская Г. А.* Бригадный метод» и другие «ноу-хау» изополитики эпохи сталинизма // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П. В. Романова. М.: ООО «Вариант», 2009. С. 126 – 141.
- Янковская Г. А.* Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты. Автореферат диссертации докт. ист. н. Томск, 2008.
- Vaxandall M.* Painting and experience in fifteenth century Italy: a primer in the social history of pictorial style. Oxford University Press, USA, 1988.
- Bruner J.* Life as narrative // Social research. 1987. № 4, pp. 11–32.

Carr D. Narrative and the real world: An argument for continuity // *History and theory* 1986, 25(2), pp. 117–131.

Groot J., de. Consuming history: Historians and heritage in contemporary popular culture. Routledge, 2009.

Yankovskaya G. The economic dimensions of art in the Stalinist era: Artists' cooperatives in the grip of ideology and the plan // *Slavic Review*, 2006, 65(4), pp. 769–791.

Дата поступления рукописи в редакцию 22.05.2024

COMPLICATING THE (WORLD) PICTURE

E. Yu. Zubkova

Institute of Russian History of the RAS, 117292, Dmitriya Ul'yanova str., 19, Moscow, Russia
elena.zubkova@mail.ru
SPIN: 2064-7781

I. V. Narskii

Perm State University, Bukirev str., 15, 614068, Perm, Russia
inarsky@mail.ru
Scopus Author ID: 36508910100

G. A. Orlova

HSE (Moscow), St. Basmannaya str., 24/4s1, 105005, Moscow, Russia
gaorlova@hse.ru
SPIN-код: 7041-5855

The article, which dedicated to the jubilee of Galina Yankovskaya could be characterized as a collage consisted of fragments of different styles and compositions. Three authors use a date in a historian's biography as a reason for thinking about interdisciplinary trends in modern historical science and play with the genres of historical narratives. E. Yu. Zubkova shares her vision of the situation in the historiography of late Stalinism and highlights the intersections of her own interpretations of this period with the works of G. Yankovskaya. I. V. Narsky imagined a conversation that could take place between him and the hero of the day about the key issues of visual historical research and new cultural history. Based on the the 2007-2008 monographs on Soviet artists of the Stalinist era and on private photographic practice in the USSR, participants in the imaginary discussion will address a range of issues of concern to them. Two books and their reviews are used as material for a virtual discussion on key issues of visual historical research and new cultural history. These include the impact of the country's development in the 1990s on the research interests of young historians, the origins of the 'visual turn' and its relationship to the shift in interest of Russian historians from events, structures and processes to 'ordinary' people, and the prospects and difficulties of working with the image as a historical source. G. A. Orlova in the first part of her section raises the question of the screen nature of a jubilee. The hero of the day's statement, that *a professional historian should enhance the complexity of the world picture*, is contextualized and problematized. In the second part, the results of curating a biographical conversation with Galina Yankovskaya are presented in the form of nine screen-shorts. The life on the big river under late socialism and the river as a frame for the temporal experience of the historian are in focus.

Key words: Galina Yankovskaya, visual turn, cultural history, culture of Stalinism, photographic practice, social history of art, Soviet life, public history, a jubilee, historian path, (world) picture, life narrative.

References

- Baxandall, M. (1988), *Painting and experience in fifteenth century Italy: a primer in the social history of pictorial style*. Oxford University Press, USA.
- Bruner, J. (1987), Life as narrative // *Social research*, № 4, pp. 11-32.
- Burdin, E. A. (2011), *Volzhskij kaskad GE'S: triumf i tragediya Rossii*. [Volga Cascade: triumph and tragedy of Russia], ROSSPEN, Moscow, Russia, 398 p.
- Carr, D. (1986), Narrative and the real world: An argument for continuity // *History and theory*, 25(2), pp. 117–131.
- Dobrenko E. (2009), *Stalinskaya kul'tura dvadczat` let spustya* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2009. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/stalinskaya-kultura-dvadczat-let-spustya.html> (accessed: 17.03.2024).

- Groot J., de. (2009), *Consuming history: Historians and heritage in contemporary popular culture*, 2009.
- Heidegger, M. (1986), *Vremya kartiny` mira* [The age of the world picture]. In: Heidegger, M. *Novaya texnokraticeskaya volna na Zapade. Sbornik statej / sost. P.S. Gurevich*, Progress, Moscow, Russia, 450 p.
- Kertman, L.E. (1971), *Zakony` istoricheskix situacij*. [The law for historical situations] // *Voprosy` istorii*. 1971, № 1, p. 55–68.
- Kukulin I. (2008), *Fotograficheskoe pechen`e «Madlen» (recz. na kn.: Narskij I. Fotokartochka na pamyat`: Semejny`e istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo (Avtobio-istoriograficheskij roman). Chelyabinsk, 2008)* // *Novoe literaturnoe obozrenie..* 2008. № 4 URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2008/4/fotograficheskoe-pechene-madlen.html> (accessed: 17.03.2024).
- Koloniczkiy, B. I. (2010), *“Tragicheskaya erotika” : obrazy` imperatorskoj sem`i v gody` Pervoj mirovoj vojny* [The tragic erotica: Images of the Emperor’s family in the age of the WWI]. NLO, Moscow, Russia, 664 p.
- Marion, J.-L. (2010), *Perekrest`ya vidimogo* [The crossing of the visible], Progress-Tradition, Moscow, Russia, 172 p.
- Narskiy, I.V. (2008), *Fotokartochka na pamyat`: Famil`nye istorii, fotograficheskie poslanie i sovetskoe detstvo (Autobio-historio-graphicheskii roman)*. [Photo to Remember: Family Stories, Photo Messages and the Soviet Childhood (Autobio-historio-graphical novel)], OOO Encyclopedia, Chelyabinsk, Russia, 516 p.
- Narskiy, I.V. (2010), G.A. Yankovskaya. *Iskusstvo, den`gi i politika: Khudozhnik v gody` pozdnego stalinizma* [Art, Money and Politics: The Artist in the Years of Late Stalinism], *Rossiyskaya istoriya*, № 1, pp. 176–178.
- Nort, D. (1997), *Instituty`, institucional`ny`e izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional changes and economic performance], Fond e`konomicheskoy knigi “Nachala”, Moscow, Russia, 190 p.
- Sajmon, N. (2017) *Participatorny`j muzej* [Participatory museum], Ad Marginem, Moscow, Russia, 439 p.
- Yankovskaya, G. A. (2004), *E`vakuaciya, ili Dialog ponevole* [Evacuation or forced dialog] // *Rodina*. № 6. pp. 20–23.
- Yankovskaya, G. (2006), *The economic dimensions of art in the Stalinist era: Artists' cooperatives in the grip of ideology and the plan* // *Slavic Review*, 2006, 65(4), pp. 769–791.
- Yankovskaya, G. A. (2007), *Iskusstvo, den`gi i politika: xudozhnik v gody` pozdnego stalinizma* [Art, money and politics: the artist in the years of late Stalinism]. Perm`: Perm. gos. un-t, Perm, Russia, 312 p.
- Yankovskaya, G. A. (2008), *Social`naya istoriya izobrazitel`nogo iskusstva v gody` stalinizma: institucional`ny`j i e`konomicheskij aspekty`* [Social history of fine art during the years of Stalinism: institutional and economic aspects]. Avtoreferat dissertacii dokt. ist.n. Tomsk, Russia.
- Yankovskaya, G. A. (2009), *Brigadny`j metod` i drugie «nou-xau» izopolitiki e`poxi stalinizma* [Brigade method" and other "know-how" of isopolitics of the Stalinist era] // *Vizual`naya antropologiya: rezhimy` vidimosti pri socializme / pod. red. E.R. Yarskoj-Smirnoj i P. V. Romanova*, OOO «Variant», Moscow, Russia, pp. 126 – 141.
- Yankovskaya, G.A. (2009), *Anti- Huxley, ili missiya vypolnima* [Anti- Huxley, or Mission Feasible], *Dialog so vremenem. Al`manakh intellektual`noy istorii*, 28, KRASAND., Moscow, Russia, pp. 335–341.
- Yankovskaya G.A. (2012). *Soczrealizm po-sovetski i po-amerikanski: iskusstvo e`poxi stalinizma v sravnitel`noj retrospektive* [Socialist realism in the Soviet and American way: the art of the Stalinist era in comparative retrospective]. URL: <https://vk.com/yankovskaya.comparativestudies/> (access date 03/12/2024).
- Yankovskaya, G. A. (2021), *Negativny`e posledstviya sovetskix gidroenergeticheskix proektov: formaty` i praktiki memorializacii* [Negative consequences of Soviet hydropower projects: formats and practices of memorialization] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. № 4. pp. 119–137.
- Yankovskaya, G. A. (2023), *Yubilej goroda i stanovlenie «periferijny`x stolicz» v SSSR* [City anniversary and the formation of “peripheral capitals” in the USSR] // *Izvestiya Ural`skogo federal`nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarny`e nauki*. T. 25. №. 4. pp. 9–22.
- Yankovskaya, G.A. (2023), *Virtual`ny`e muzei «sovetskix atlantid»* [Virtual museums of “Soviet Atlantis”] // *Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Social`no-gumanitarny`e nauki*. T. 23. №. 4. pp. 33–40.
- Zavadskij, A. I., Isaev, E.M., Kravchenko, A.V., Sklez, V.M., Suverina, E.V. (2017), *Publichnaya istoriya: mezhdud akademicheskim issledovaniem i praktikoj* [Public History: In between the academic research and practice] // *Neprikosnovenny`j zapas*, №. 2, pp. 22–34.
- Zubkova, E. A. (2019), *Sovetskaya zhizn` kak predmet istoricheskoy rekonstrukcii*. [Soviet life as a subject of the historical reconstruction] // *Rossiyskaya istoriya*, №. 5, pp. 3–14.